

Л.Г. Морган

**Дома и домашняя жизнь американских
туземцев**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.Г. Морган**
Дома и домашняя жизнь американских туземцев / Л.Г. Морган – М.: Книга по Требованию, 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-458-11843-9

Издание классического труда Льюиса Г. Моргана. Перевод с английского под редакцией М. О. Косвена, предисловие Я. П. Алькора.

ISBN 978-5-458-11843-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

	стр
Рис. 37. Реставрация пуэбло Бонито	122
„ 38. План пуэбло дель Арройо	122
„ 39. План пуэбло Пеньаска Бланка	122
„ 40. План пуэбло на реке Анимас, Новая Мексика	131
„ 41. Камень из дверного отверстия	132
„ 41. Обработанный песчаник	132
„ 42. Часть притолки из кедрового дерева	136
„ 43. Контур каменного пуэбло на реке Анимас	136
„ 44. Пуэбло в начале каньона Мак Эльмо	141
„ 45. Контурный план каменного пуэбло вблизи основания горы	141
„ 46. План пуэбло высокой насыпи	152
„ 47. Реставрация пуэбло высокой насыпи	152
„ 48. План и разрезы дома в пуэбло Высокой насыпи	152
„ 49. Холм. Искусственный глиняный резервуар	159
„ 50. Боковое возвышение пирамидальной платформы „дома правителя“ в Уксмале	183
„ 51. „Дом правителя“ в Уксмале	184
„ 52. План „дома монахинь“	184
„ 53. План „дома правителя“ в Уксмале	185
„ 54. Часть комнаты в „доме монахинь“	187
„ 55. План Цайи	189
„ 56. Поперечный разрез одной из комнат	190

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

„Дома и домашняя жизнь американских туземцев“¹ — последняя работа великого американского этнолога Льюиса Генри Моргана. Она вышла в свет незадолго до смерти автора. Первоначально эта работа составляла V часть рукописи „Древнего общества“ и носила заглавие: „Развитие идеи архитектуры жилища“. Но так как объем рукописи превышал размеры одного тома, то эта часть была исключена. В намерение автора не входило издавать ее отдельной книгой и большая часть этой работы появилась в виде самостоятельных статей². Сжатое изложение ее Морган дал в статье „Архитектура американских индейцев“, опубликованной в 1878 г., т. е. после выхода „Древнего общества“³. Наконец, в 1881 году, уступив просьбам своих друзей, Морган издал ее отдельной книгой и внес в первоначальный текст некоторые поправки и дополнения, в частности добавил вводную главу, в которой конспективно изложил четыре главы „Древнего общества“, трактующие о роде, фратрии, племени и конфедерации.

Такова краткая история появления в свет одной из наиболее значительных книг, посвященных первобытному обществу.

Когда Ф. Энгельс приступил к подготовке второго издания „Происхождения семьи, частной собственности и государства“, он принял все меры, чтобы ознакомиться с „Домами и домашней жизнью“, как об этом свидетельствуют три его письма к его американскому другу Ф. Зорге. Так, 29 мая 1890 г. Энгельс пишет: „для нового издания „Происхождения и т. д.“ мне необходимо иметь последнее произведение Моргана [Houses and House Life of the American Aborigines—Я. А.], но не могу в Британском Музее отвоевать себе спозоранку местечко у любителей романов. Посылаю тебе поэтому письмо в соответствующий департамент⁴ и два экземпляра моей книги“ [„Происхождение семьи, частной собственности и государства—Я. А.“]⁵. Вскоре Зорге достал просимую книгу, и уже 30 июля Энгельс уведомляет его: „Моргана с большой благодарностью получил...“⁶. При сравнении первого издания „Происхождения семьи, частной собственности и государства“ со вторым изданием видно, с каким большим вниманием Энгельс отнесся к использованию „Домов и домашней жизни“.

После Энгельса „Дома и домашняя жизнь американских туземцев“ использовал П. Лафарг в своей работе „Развитие собственности“.

Книга Моргана состоит из трех неравных частей. Первую часть составляет I глава, дающая краткое, но весьма основательное введение в изучение социального строя американских туземцев. Вторая часть (главы II—IV) описывает коммунистические порядки и обычаи индейцев, а именно: закон гостеприимства, коммунизм домашней жизни, коллективное землевладение и своеобразные обычаи приема пищи. В третьей части (главы V—XI) Морган рассматривает жилищную архитектуру американских туземцев и объясняет ее характер, исходя из описанных им во второй части первобытно-коммунистических порядков и обычаев.

¹ Lewis H. Morgan. Houses and House Life of the American Aborigines. Contributions to North American Ethnology, vol. IV. Washington, 1881.

² Из предисловия к „Домам“, см. стр. 3 настоящего издания.

³ Architecture of the American Indians. Johnson's New Universal Cyclopaedia, vol. I, New York, pp. 217—229.

⁴ Энгельс имел в виду „Department of the Interior U. S. Geographical and Geological Survey of the Rocky Mountain Region“, в чьем издании вышла работа Моргана.

⁵ Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др. Пет., 1903, стр. 341.

⁶ Там же, стр. 342.

Свое исследование Морган поставил в определенные исторические рамки, ограничив его „временем появления европейцев в Америке и позднейшим периодом, в течение которого эти обычаи сохранились“.

Вторую часть своего исследования Морган начинает с показа универсальности распространения гостеприимства у индейцев, совершенно правильно рассматривая его как одно из проявлений первобытного коммунизма. „Объяснение закона гостеприимства, говорит Морган, надо искать в коллективном землевладении, в распределении сельскохозяйственных продуктов по домашним хозяйствам, состоящим из известного числа семейств и в коммунистическом строе домашней жизни, осуществляемом в домашних хозяйствах. Объяснить этот обычай можно только предположив существование общих запасов у отдельных больших домашних хозяйств, а возможно, и у целого селения¹. Благодаря закону гостеприимства „не могло случиться, чтобы в одном конце индейского селения или лагеря царили голод и нужда, а в другом конце того же лагеря царило бы полное изобилие“². Этнографические материалы, как приведенные самим Морганом, так и собранные после него, в полной мере подтверждают его взгляды и показывают, что гостеприимство, свойственно всем племенам, в той или иной мере сохранившим первобытно-коммунистические черты и было господствующим обычаем в первобытно-коммунистическом обществе. Характеризуя общественный строй древних германцев эпохи Тацита, Энгельс отмечает: „...описание у Тацита (Германия, гл. 21) практики гостеприимства совпадает почти до мелочей с рассказом Моргана о гостеприимстве его индейцев“³.

Особое внимание Морган уделяет анализу домохозяйств — объединению нескольких, иногда многих, семейств в рамках одного рода, в целях коммунистического производства и распределения. Он проводит значительное количество личных наблюдений, а также выписок из описаний древних путешественников, свидетельствующих о повсеместном существовании домохозяйств у индейцев и обусловленных этим общинным характером домов. „Где бы ни установилось господство родовой организации, говорит Морган, мы видим, как правило, что отдельные семьи, связанные между собой близкими родственными отношениями, объединяются в общие домашние хозяйства и устраивают общий запас продовольствия. Семьи эти строили общинные дома, достаточно обширные для размещения нескольких хозяйств“⁴. „Происхождение домохозяйства Морган ищет „в потребностях семьи, которая вплоть до последнего периода была слишком слабой организацией, чтобы бороться за существование собственными силами“⁵. Морган видит в этих построенных на коммунистических началах домохозяйствах основу господства женщин, материалистически интерпретируя открытое Бахофеном гинекократию и материнское право. „Открытые Бахофеном явления, пишет Морган, ведут свое происхождение, по всей вероятности, от счета родства по женской линии и соединения нескольких семей в одном доме по принципу кровного родства, как это было и у ирокезов“⁶.

Такой же мысли придерживается и Энгельс, как это видно из следующего места из „Происхождения семьи, частной собственности и государства“: „Коммунистическое домашнее хозяйство, при котором женщины все или в своем большинстве принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины распределяются по различным родам, является материальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщин, открытие которого составляет... заслугу Бахофена“⁷.

Морган был первый из этнологов, кто занялся изучением домохозяйств, и его исследование этого вопроса до сих пор сохраняет огромное теоретическое и практическое значение, способствует нашему пониманию хозяйственного строя первобытного общества и, в частности, помогает нам разобраться в пер-

¹ Стр. 41 настоящего издания.

² Там же стр. 31.

³ Ф. Энгельс „Происхождение семьи, частной собственности и государства“. Москва, 1933, стр. 167.

⁴ Стр. 42 настоящего издания.

⁵ Стр. 42 настоящего издания.

⁶ Там же, стр. 44.

⁷ Энгельс „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, стр. 49.

вобытно-коммунистических пережитках у ряда культурно-отсталых народов в частности у народов Крайнего Севера.

С особой четкостью Морган подчеркивает коммунистический характер домохозяйств. „Если мы имеем в цивилизованном обществе отдельную семью, питающуюся из общих запасов, то тут еще коммунизма нет, но если мы встречаем несколько семейств, объединенных в одно общее домашнее хозяйство и устраивающих для себя общий склад продуктов, и если такая форма распространяется в виде общего правила на целые племена, то перед нами определенно вид коммунизма, который необходимо отметить“¹.

Интересно сопоставить с мыслями Моргана высказывания основоположников марксизма об историческом месте и характере домохозяйств.

В этой связи приведем следующее высказывание К. Маркса из третьего черновика его письма к В. Засулич: „Общий дом (очевидная неточность перевода, нужно — общее домохозяйство.—Я. А.), говорит Маркс, и коллективное жилище были экономической основой более древних общин уже во времена, далеко предшествовавшие установлению пастушеской и земледельческой жизни“². Энгельс допускает, что в зависимости от местных условий хозяйственной единицей может быть также род и отдельное хозяйство. Говоря о древних германцах эпохи Тацита, он указывает: „Еще долго можно будет спорить насчет того, что являлось хозяйственной единицей (у древних германцев — Я. А.) — род или отдельное хозяйство или стоящая между ними обоими коммунистическая группа родственников, или же существовали в зависимости от условий местности все три группы сразу“³.

Большое место в работе Моргана занимает раскрытие коллективного характера землевладения в первобытном обществе. Рядом неопровержимых данных он доказывает, что земля являлась собственностью всего племени. И в этом отношении его материалы полностью подтверждают взгляды Маркса и Энгельса о коллективном характере первобытного землевладения, высказанные ими с самого начала их совместной деятельности и четко сформулированные уже в „Немецкой идеологии“. „Первая форма собственности, писали Маркс и Энгельс в указанном сочинении, это племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, на которой народ живет охотой и рыболовством, скотоводством или в лучшем случае земледелием“⁴. Эта мысль пронизывает и все последующие высказывания Маркса и Энгельса о первобытном обществе.

Последнюю и самую большую часть своей работы Морган посвящает анализу жилищной архитектуры американских туземцев, исходя как из этнографических, так и из археологических данных. „Развитие идеи жилищной архитектуры вообще, говорит Морган, — тема, которая по своей обширности превосходит объем настоящей работы. Однако, в развитии этой идеи есть фаза, которой я уделяю особое внимание, так как она наглядно иллюстрирует состояние общества и семьи и в периодах дикости и варварства. Эта фаза отражена в жилищной архитектуре американских туземцев, если рассматривать ее как единую систему, тесно связанную с учреждениями, нравами и обычаями, описанными в предыдущих главах“⁵. Далее Морган убедительно показывает, что „в основе всей этой архитектуры лежит один принцип... Принцип этот состоит в приспособлении домов к коммунизму домашней жизни... „В зависимости от степени культурного развития, достигнутого тем или иным племенем, меняется и характер их жилищ. Так, дома оседлых индейцев приспособлены уже „не только к коммунистическому устройству хозяйства, но и к потребностям обороны“⁶. Отсутствие дворцов среди сооружений индейцев Морган объясняет коммунистическим характером их общественного строя. „При господстве родовых учреждений невозможно существование привилегированных классов и властителей, могущих использовать подневольный народный труд на постройку для них дворцов“⁷.

¹ Настоящее сочинение, стр. 51.

² Архив Маркс и Энгельс, т. I, стр. 284.

³ Энгельс „Происхождение“, стр. 142.

⁴ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. IV, стр. 12.

⁵ „Дома и домашняя жизнь“, стр. 65.

⁶ Там же, стр. 68.

⁷ Там же, стр. 39.

Показав зависимость характера архитектуры от степени культурного развития и общественного строя, Морган потом при помощи установления характера архитектурных памятников индейских жилищ иллюстрирует коммунистический строй их былых обитателей. Особый интерес представляет реконструкция домов „строителей насыпей“ и древних мексиканцев.

Этим Морган показывает образец материалистического подхода к археологическому исследованию. Безмолвные развалины жилищ у Моргана превращаются в красноречивых свидетелей древности, раскрывающих характер общественного строя обитателей этих жилищ.

В заключении необходимо отметить, что „Дома и домашняя жизнь американских туземцев“ чрезвычайно малоизвестная книга. Она не переводилась ни разу с английского языка, и настоящий русский перевод является первым. По отношению к этой книге в буржуазной науке существует подлинный заговор молчания. И это не удивительно. Нет другой в мировой этнологической и археологической литературе книги, в которой с такой последовательностью и откровенностью был бы доказан коммунистический характер первобытной жизни.

В наше время, когда вопрос о первобытном коммунизме приобрел большую теоретическую и политическую актуальность, когда против теории первобытного коммунизма,—этой неразрывной части учения марксизма-ленинизма об обществе,—сплотилась в бешеной злобе буржуазная и социал-фашистская наука, не останавливающаяся в своей борьбе перед прямой фальсификацией фактов,—появление „Домов и домашней жизни“ на русском языке сыграет положительную—роль, так как даст первоклассный материал о коммунистическом характере хозяйственной жизни первобытных племен. Несмотря на то, что прошло уже более пятидесяти лет со времени выхода в свет „Домов и домашней жизни“, они не потеряли своего научного значения и могут служить на ряду с „Древним обществом“ настольной книгой каждого советского этнографа, археолога и историка, а также практического работника среди культурно-отсталых народов.

ДОМА И ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ АМЕРИКАНСКИХ ТУЗЕМЦЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Настоящее исследование составляло в сущности часть V первоначальной рукописи автора „Древнее общество“ и было озаглавлено: „Развитие идеи архитектуры жилища“. Но так как объем рукописи превышал размеры одного тома, то эта пятая часть была исключена. В намерение автора не входило издавать ее отдельной книгой, и большая часть этой работы появилась в виде самостоятельных статей. Изложение ее было дано в виде статьи об „Архитектуре туземцев Америки“ в Johnson's New Universal Cyclopaedia. Глава о „Домах ацтеков“ послужила основанием для статьи под заглавием „Обед Монтецумы“, опубликованной в „North American Review“, в апреле 1876 года. Другая глава, „Дома строителей насыпей“, была опубликована в том же журнале в июле 1876 года. Наконец, в этом году, по поручению Исполнительного комитета Американского Археологического Института в Кэмбридже, мною по тем же материалам была написана статья под заглавием „Исследование о домах и домашней жизни индейских племен“, с планом производства раскопок развалин в Новой Мексике, Аризоне, области Сан Хуан, Юкатане и Центральной Америке.

В настоящее время работа издается с некоторыми поправками и дополнениями. В виду того, что материал, представляемый в его оригинальном виде, в настоящее время будет иметь более широкое распространение, чем вышеупомянутые статьи, он явится по существу новым для большинства моих читателей. Высказанные здесь предположения и установленные факты представлены читателю в последовательной связи, и автор считает, что такое построение придает его аргументации новую силу. Все формы исследуемой автором архитектуры представляют собой производное некоей общей идеи и отражают различные стадии развития одних и тех же концепций, отражающих одинаковые потребности. Вместе с тем они с достаточной полнотой представляют и различные условия жизни американских туземцев. Их жилища составляют выражение единой системы строений, начиная с длинного дома ирокезов и кончая общинными домами из необожженного кирпича и камня в Новой Мексике, Юкатане, Чиапа и Гватемале, с теми различиями, которые естественно вызывались различным уровнем развития отдельных племен. Если изучить всю эту архитектуру как единую систему, вытекающую из общих потребностей, однородного опыта и единообразных учреждений, то мы видим, что она выражает особый строй жизни, своеобразный, оригинальный и характерный.

Все эти постройки, от самых малых до самых больших, показывают нам один основной факт, а именно, что на этих стадиях развития семья была еще слишком слабой организацией, чтобы самостоятельно противостоять всей тяжести борьбы за существование. Поэтому ей приходилось искать опоры в образовании больших домохозяйств, состоящих из нескольких семейств. Дом, предназначенный для одной только семьи, был в туземной Америке исключением; наоборот, общим правилом было жилище, достаточно обширное для размещения нескольких семейств. Более того, дома эти были заняты на общинных началах, и мы наблюдаем ясно выраженную тенденцию к образованию домохозяйств на основе кровного родства, поскольку матери и дети принадлежали к одному и тому же роду или клану.

Если мы подойдем к изучению большой проблемы культуры американских индейцев, то ключ к ее разрешению дают нам домашний быт и строй домаш-

ней жизни туземцев. Настоящие страницы должны служить началом этой работы. Это чрезвычайно благодарная и до сих пор сравнительно малоисследованная область. Мы оказались поразительно небрежными в изучении домашней жизни, как она раскрывается в архитектуре туземного периода. Время и влияние цивилизации настолько сильно отразились на этом домашнем укладе и во многих случаях до такой степени его разрушили, что сейчас необходимо приступить к новому изучению оставшихся в нашем распоряжении общих фактов. Эпоха открытия Америки европейцами была временем полного расцвета этого домашнего строя в Северной и Южной Америке, но мы пропустили представлявшиеся нам богатые возможности изучить его принципы и его результаты. Мы имеем здесь поучительную картину развертывания домашней жизни на протяжении двух точно отграниченных этнических периодов, именно древнего и среднего периода варварства. Первый представлен ирокезами а второй—ацтеками или древними мексиканцами. Нет другого места на земле, где эти два состояния человеческого прогресса были бы так наглядно представлены, как в жизни американских индейцев. Изучение культуры и условий жизни в названные периоды безусловно необходимо для отчетливого познания различных стадий человеческого прогресса. Направляющие его законы, однообразие их применения и неизбежная ограниченность принципиальных основ человеческого познания подсказывают нам, что наши собственные отдаленные предки прошли те же стадии и обладали такими же учреждениями. Изучая жизненные условия американских индейцев в эти периоды истории, мы раскрываем известную часть утраченной истории нашей собственной расы. Соображения этого порядка дают толчок для нашего исследования.

Первая глава дает в сжатом виде содержание четырех глав „Древнего общества“, а именно—глав о роде, фратрии, племени и конфедерации племен. Эти главы составляли необходимую часть названной работы, и в равной мере они оказываются необходимыми в настоящем труде. Знание этих организаций совершенно необходимо для понимания домашней жизни американских туземцев. Эти организации составляют основу всей американской этнологии. Хотя исследование этих вопросов касается по преимуществу проблемы выяснения тех или других характерных черт или вопроса о преобладании тех или иных форм, оно тем не менее даст читателю необходимое общее представление об организации общества у них.

Вообще говоря, мы слишком склонны считать, что дикие и варварские племена в отношении развития стоят на одном и том же уровне. Между тем их надо строго различать как два разных состояния прогресса. Больше того дикость имеет свои стадии культуры и прогресса, точно так же, как и варварство. Это различие разных этнических периодов или стадий культуры, как дикости, так и периода варварства, значительно облегчает изучение фактов относящихся к этим двум периодам, через которые прошло человечество в его движении к цивилизации. Прогресс человечества от первобытного состояния к цивилизации был исполнен глубокого значения, богат крупными событиями. Каждая большая стадия человеческого прогресса более или менее непосредственно связана с каким-нибудь крупным открытием или изобретением, существенно влиявшим на дальнейший ход человеческого прогресса и обозначавшим начало более высокого состояния. Поэтому период дикости разделяется нами на три под-периода, и на такие же три под-периода делится период варварства особенно важный для выяснения состояния индейских племен. Древнейший период варварства, начинающийся с введения в жизненный обиход производства гончарных изделий, и средний период того же состояния, отмеченный употреблением необожженного кирпича для постройки домов, началом культуры маиса и других растений и первыми ирригационными сооружениями, обозначают два весьма резко отличающиеся одна от другой стадии. История большинства племен американских индейцев совпадает с одним или с другим из этих периодов. Сравнительно небольшая часть их находилась в древнейшем периоде дикости и ни одно из племен не достигло позднейшего периода варварства непосредственно предшествующего цивилизации. При изучении состояния отдельных племен они будут относимы к тем в частности периодам, к которым они принадлежат сообразно нашей классификации.

Я должен с грустью прибавить, что в виду своего слабеющего здоровья я не мог обработать эту рукопись с той тщательностью, которая требуется от автора всякого труда. Но я не мог отказать моему другу майору Дж. В. Пауэллу, директору Бюро этнологии, в его просьбе собрать отдельные главы настоящей работы, в той мере, в какой я способен сделать это теперь для того, чтобы они могли быть напечатаны этим Бюро. Так как это, несомненно, моя последняя работа, то я расстаюсь с ней по указанной причине с известным беспокойством, но тем не менее охотно отдаю ее на снисходительный суд читателя.

Приношу глубокую благодарность моему другу Дж. К. Пиллингу, из того же Бюро, за его любезную помощь при просмотре корректуры и за наблюдение за иллюстрациями. Благодарностью автора не достаточно вознаграждается такая любезность.

Покойный Вильям В. Элли был в течение более 25 лет моим ближайшим другом и литературным советчиком, и ему я обязан многими ценными указаниями и постоянным поощрением моих трудов. Посвящая его памяти настоящее исследование, я могу только отчасти выразить свое преклонение перед его благородным характером и свое признание ценности для меня его дружбы.

Льюис Г. Морган

Рочестер, штат Нью-Йорк, июнь 1881 года.
